

Н. А. БЕРДЯЕВ

Пророчества Н. Ф. Федорова о войне

I

Немногие, вероятно, слышали о замечательном русском мыслителе Николае Федоровиче Федорове. Скромный библиотекарь Румянцевского музея — он был хорошо известен в некоторых кругах Москвы. Сохранились письма к Федорову Вл. Соловьева, Л. Толстого, Достоевского¹, Фета, из которых видно, как глубоко они его почитали, какое придавали значение его мнению. Вл. Соловьев одно время находился под прямым влиянием Н. Ф. Федорова и называл его своим учителем. Л. Толстой гордился тем, что живет в одно время с таким человеком, как Федоров. Но широкие слои русского общества до сих пор ничего не знают о Федорове, и немудрено, что не знают. Н. Ф. Федоров был оригинал, чужак, человек своеобычный, ни на кого не похожий. Он не хотел, чтобы написанное им было напечатано для продажи, так как отрицал право собственности на литературные произведения. Первый том его «Философии общего дела» был издан не для продажи и раздавался редакторами отдельным лицам, что, конечно, делало невозможным сколько-нибудь широкое распространение книги. Года два тому назад появившийся второй том «Философии общего дела» издан уже для продажи.

Федоров очень много думал о войне и о способах водворения мира в жизни человечества. Многие мысли Федорова не только представляют сейчас особенный интерес, но прямо-таки носят пророческий характер. Мысль Федорова неустанно работала в направлении возможности мировой войны и предвидела роль Германии в мировом столкновении. Федоров страстно стремился к всеобщему миру, к соединению человечества для общего дела. Он видел миссию России в умиротворении, в прекращении розни. Он развивает смелый и оригинальный проект обращения войска, которое ни в

кчем случае не должно быть распушено, на завоевание и урегулирование стихийных сил природы.

В мышлении Федорова своеобразно сочетается утопизм и фантазерство с положительным реализмом и пророческими прозрениями. В основе религиозно-философского и религиозно-общественного мировоззрения Федорова лежит идея соединения всего человечества для активной регуляции стихийных сил природы и для воскрешения мертвых. Его вера в активность человека, в силу знания, в разумную волю, направленную к добру, была поистине безгранична. Верующий христианин, даже православный, он соединяет свое христианство с исключительным сознанием долга человека быть активным, внести разум во всю природу, вернуть жизнь умершим предкам, перед которыми мы неоплатные должники, так как живем на их счет. Столь дерзновенная мысль о воскрешении умерших отцов активными орудиями соединенного человечества, его знания, его техники, его нравственной воли никогда еще, кажется, не высказывалась. Как утопист, Федоров верит в безграничную силу разума в мире и недооценивает значения иррациональных, темных стихий, преуменьшает силу зла в человеческой жизни. В религиозном сознании это вело к тому, что он слишком много возлагал на трудовые усилия человека и как будто бы не видел, что воскресение возможно лишь через благодатное возрождение во Христе, а не через регулирующую волю человека, его знание и технику. Но рационалистический утопизм Федорова все-таки не мешал его реалистическим прозрениям. Он многое ясно видел и предвидел в положении Европы и России.

Федоров, как всякое слишком большое явление, стоял вне партий и направлений. Но все-таки по своей идеологии он скорее примыкает к правому, чем к левому лагерю. Некоторые его идеи должны быть названы право-славянофильскими, хотя наряду с этим у него встречаются идеи революционные.

Но замечательно, что в правом лагере он был одним из немногих, которые верно оценивали роль Германии в мировой жизни и понимали опасность германизма для России. Нашему правому лагерю свойственно было традиционное германофильство. Вспомним, каким германофилом был К. Леонтьев, как не свободен был от германофильства даже Достоевский². Германофильством отличались и наши правые круги последних лет. Это германофильство привело к историческому провалу «правых» в России, оно обнаружило не патриотический, не национальный характер темных сил русского общества. Федоров был более прозорлив и более искренен, «правость» не затемняла его сознания и не вела к преданию интересов России каким-то темным вожделениям. О пророческих прозрениях Федорова в отношении к германизму я и хочу говорить.

II

Н. Ф. Федоров отлично понимал угрожающую роль Германии в мировой жизни. Его не ослепляло то, что Германия может быть поддержкой консервативных начал в России. Вильгельма он называет Черным Царем и даже Антихристом, в отличие от Белого русского Царя как провозвестника мира. «Германия, стремясь к сосредоточению власти, стала основательницей милитаризма, угнетающего и доселе весь мир»*. Он ясно видел союз Вильгельма с Исламом. «Мы видим появление... немецко-тюркской империи, которая, с момента торжественного заключения дружбы между Вильгельмом и Исламом³, простирается от Атлантики до Филиппин... Вильгельм-хан запечатлел свое содружество с Исламом на камне в городе Каина и Ваала (Баалбеке), а в Дамаске усматривал с горы Соаллеким пути, над которыми Соаллеким господствует... Своею терпимостью новый Антихрист пробуждает магометанский фанатизм на всем Востоке и готовит будущему веку новые нашествия, которые он сам же предсказывал, и новые погромы»**.

Федоров страстно хотел предотвратить и преодолеть войны и видел в этом великую миссию России. Но он не хотел разоружения. «Нужно не разоружение; нужно всеобщее вооружение, соединенное со всеобщим поголовным образованием, которое даст оружию и иное употребление, способное всех людей соединить в один союз. Поэтому первый вопрос, поставленный Мирным Циркуляром⁴, — поддержание или сохранение мира, — может быть разрешен лишь с чрезвычайными усилиями и только в том случае, если враг мира, Германия, вступившая в теснейший союз с Исламом, религией войны, и если император Германии, забывший о происхождении и значении императорского сана, вступивший в союз с калифом правоверных, будут ограничены на суше и море союзом других государств.

Для поддержания мира России необходимо, сохраняя союз с Францией против Германии, вступить также в союз с двумя Британиями⁵, не только американскую, но и европейскую, с обладательницами океана, хотя и недействительными, конечно. Этот союз положил бы, с одной стороны, предел распространению на море врагу мира, а с другой стороны, сближение России с Англиею на Памире⁶ обложило бы Ислам, имеющий друга в Германии, и отделило бы кочевников Верхней Азии от Передней Азии и Африки. Союз же России, ставшей во главе славян, с Францией, ставшей во главе романских государств Европы, разложив Австрию и окру-

* См.: Философия общего дела. Т. II. С. 105.

** См.: Там же. С. 105.

жив Венгрию, окружил бы с суши и Германию и отделил бы от моря Ислам» *. Федоров очень точно предвидел то мировое положение и соотношение, которое ныне окончательно выяснилось. Он предугадал распределение стран в нынешней войне. Он хотел союза России с Англией против Германии. Он не боялся союза с Англией, как боялись правые круги. Он предрешил распад Австро-Венгрии и отделение от моря Турции.

Так Федоров, несмотря на свой безумный утопизм, оказался прозорливее многих трезвых людей. Он истинно любил Россию и любил правду. «В столице Вильгельма II, — говорит Федоров, — в Campo Santo, т. е. на кладбище его предков, Корнелиус пророчески изобразил истребление рода человеческого язвою, голодом, войною и смертью⁷. Не Пруссию ли, не Черного ли Царя изображает всадник, которому власть дана изгнать мир с земли?» ** По мнению Федорова, «в петербургском Campo Santo, <над гробами Александров I-го, II-го и III-го,> нужно было бы изобразить всадника, которому дана власть возратить мир земле, — нужна картина воскрешения, вместо сцен истребления». Но предвидение мирового столкновения тесно переплетается у Федорова с мечтой о замирении человечества и превращении орудий смертоносных и умерщвляющих в орудия живоносные и оживляющие. «В настоящее время, когда союз Германии с тремястами миллионами магометан грозит не только России, но и Европейской Британии в Азии и Африке и когда даже Соединенные Штаты встретили на Филиппинах⁸ магометан, союзников Черного Царя (немецкого императора), теперь больше, чем в 1812 году, необходим союз двух Британий, и не столько для борьбы с врагом мира (Черным Царем), мнимым обладателем суши, сколько с самим океаном; необходим для этой борьбы и союз двух обходных движений, морского, в тылу магометанства, и сухопутного, до встречи этих движений на Памире. Эта встреча замкнет христианское кольцо вокруг исповедующих религию меча и принудит их обратить орудие войны не против себе подобных, а против силы слепой, смертоносной, вносящей раздор и в среду людей, что и приведет к умиротворению» ***. По Федорову, народ должен быть вооружен, войско должно быть народом. Но конечная цель вооруженных народов — регуляция сил природы, а не взаимное истребление. Идеал — не германский.

* Там же. С. 289–290.

** Там же. С. 291.

*** Там же. С. 306.

III

Федоров очень хорошо понимал связь современного милитаризма с индустриализмом. Современный милитаризм очень отличается от военного типа обществ прежних времен, он — порождение промышленного типа обществ, он плоть от плоти и кровь от крови капиталистического хозяйства. Германия ясно обнаружила эту связь милитаризма с индустриализмом. Мирные промышленные общества, которые Спенсер противопоставлял обществам военным, в конце концов ведут к войне всех против всех. Это Федоров отлично предвидел. «Современный милитаризм, неотделимый от индустриализма, своим усовершенствованным оружием и превосходными средствами сообщения возвратил человеческий род к тому состоянию, в каком он был в самые первобытные времена, когда война не прекращалась и была повсеместна» *. Н. Федоров пророчествовал о неизбежности мировой войны при складе современных обществ и допускал несколько возможных комбинаций, в которые выльется мировая борьба. Но при всех комбинациях неизбежно столкновение России с Германией. «Быстрота сообщения осуществила возможность войны всех против всех, т. е. возвратила нас к первобытному состоянию повсеместных и непрерывных войн и к постоянному ожиданию их, но с оружием уже не первобытным, а достигшим такого совершенства, что спасение от него почти невозможно. Это превращение и есть эволюция военная: все отдельные местные войны превращаются в одну общую войну двух союзов, обнимающих весь земной шар. Этими союзами могут быть или русско-китайский с двумя Британиями, европейской и американской, против Германии с ее тремястами миллионов магометанских друзей, или союз германо-магометанский с двумя Британиями против России, или, еще вернее, союз ближнего и дальнего Запада в союзе с ближним и дальним Востоком против изолированной России...

Это — такая междуарийская усобица, которая может кончиться «торжеством Турана» **⁹. Вся грандиозная техника современного индустриализма ведет не к регуляции природы единым человечеством, о чем мечтал Федоров, а к войне всех против всех. Федоров отлично понимал, что Германия — носительница этого милитаристического индустриализма или индустриалистического милитаризма, что мировой пожар возгорится по вине Германии. Дух германизма стоял на пути к осуществлению его проекта всеобщего дела, всеобщего соединения для спасения всех, для всеобщего воскрешения. Но Федоров как будто бы не хотел видеть, что то, что

* Там же. С. 335.

** Там же.

так сильно и крепко выражено в Германии, то и вообще есть в человечестве. Семя мировой войны было заложено в душе современного человечества. И лишь через страдальческий опыт мирового раздора идет человечество к большому единству и единению.

Но вот что очень характерно и должно быть подчеркнуто. Как глубоко отличается воля Федорова к всемирному единению людей для общего дела, к регуляции всех стихийных сил природы, всего космоса для всеобщего воскрешения, его русская воля к спасению всех, живущих и умерших, к оживлению всего, от германской воли к могуществу и власти над миром, воли к войне и насилию. Федоров призывает к силе и активности, но силе и активности, спасающей слабых и погибающих, а не давящей и губящей. Тут сказывается глубокое различие духа славянской расы от духа расы германской. Славянской расе чужда воинственная воля к власти над миром, ей свойственна воля к всемирному соединению человечества, к всеобщему спасению. Наш русский универсализм совсем не походит на универсализм германский. Федоров — мыслитель характерно русский, и все его идеи и мечты глубоко русские. Теперь более чем когда-либо мы должны противопоставлять свои русские духовные богатства духу германизма, и потому в эти дни хорошо вспомнить о Н. Ф. Федорове.

